

Романы о бандитской любви

ВЛАДИМИР
КОЛЫЧЕВ

ТОМИТСЯ
ДУШЕНЬКА НА ЗОНЕ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 Томится душенька на зоне / Владимир Колычев. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с.

ISBN 978-5-04-089551-9

Три года зоны равнозначны десятку лет вольной жизни. Тем более если за колючкой томится красивая молодая женщина. Именно такой срок получила Женя за соvrращение малолетнего, чего, конечно, не было и в помине. Но любой срок кончается. Женя вышла на волю, еще не зная, как она отомстит обидчикам, которые ее так коварно подставили. Но жизнь преподнесла новое испытание. Теперь Жене надо отвести от себя подозрение в убийстве мужа и обыграть тех, кто хочет окончательно добить ее...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колычев В., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-089551-9

Часть первая

ГЛАВА 1

Свет софитов, вспышки фотоламп, плотный воздушный поток от вентилятора... Евгения в купальнике, руки, словно крылья, разведены в стороны, а искусственный ветер поднимает и развеивает ее волосы. Щелчок фотокамеры, другой. Смена положений. Профиль, анфас, три четверти, пол-оборота...

— Отлично, Женька! Молодец!

Олега Коготкова не узнать. В школе он был тюфяком и тихоней, а сейчас просто хват. Крашенные волосы, нарочито небрежный, но тщательно продуманный стиль в одежде, резкие стремительные движения. За словом далеко не ходит, взгляд шельмовской, но вместе с тем обаятельный. И улыбка такая, что просто сил нет ответить «нет»...

— А теперь давай топлес! — не отрываясь от фотокамеры, попросил он.

И уверенным движением руки показал, что ей необходимо избавиться от верхней части бикини.

— Чего?

— Женька, ты меня удивляешь! Ты актриса, и не знаешь, что такое топлес. В переводе с английского это значит обнаженная грудь...

— Да хоть с парагвайского. Мы с тобой, Олежа, так не договаривались.

— Значит, договоримся... Женька, я же знаю, ты не можешь меня разочаровать.

— Очень даже могу.

— Ну ладно меня, а публику? Поверь, люди с нетерпением ждут твоего фото в нашем журнале. Ждут и не дождутся...

Олег надул губки, выкатил глазки — как будто выражал недовольство от имени всех читателей своего журнала.

— Врешь ты все, никто никого не ждет. Народ про меня не знает...

— Так узнает!!! Ты же актриса, Женька! Для тебя же популярность, что для младенца молоко матери!

— Популярность популярности рознь.

— Женька, не будь занудой! У тебя творческая профессия, у тебя должна быть фантазия. Ты себе только представь, увидит какой-нибудь знаменитый режиссер твой топлес на обложке, узнает, что ты актриса, и приглашит в свой новый фильм, где главная героиня должна раздеться перед камерой до пояса... Или ты в таких фильмах никогда не будешь сниматься?

— Ну, если пригласят... — замялась Евгения.

Олег преувеличивал, называя ее актрисой. Она всего лишь окончила второй курс театрального училища, ей еще учиться и учиться. Но, по сути, он прав: для того чтобы сняться в кино, диплом совсем не обязателен. Это в театр не возьмут, а в кино — пожалуйста. Если, конечно, удача улыбнется. А улыбается она смелым...

— Пригласят, пригласят... А ну-ка, покажи народу свой топлес!

Он уже не просил, а требовал, как будто вопрос был решен окончательно.

— И в бикини хорошо... — не сдавалась она. — Знаешь, почему бикини так называется?

— Не в тему, — поморщился Олег.

— Как раз в тему! Бикини — это остров такой коралловый. На нем первую атомную бомбу испытали. И женщина в бикини должна восприниматься как взрыв ядерной бомбы, понял?

— Ты, конечно, и в бикини секс-бомба. Но максимум на сто килотонн. А нужна как минимум мегатонна. Давай, Женька, взорвем пипл к чертям собачьим!

— Ты и мертвого уговоришь...

Все-таки не выдержала она его натиска. Избавилась от верхней части купальника, явила объективу свой высокий и упругий третий размер.

— Умничка... Выгни спинку, повернись ко мне боком...

Олег сделал не меньше двух десятков снимков, прежде чем успокоился и попросил ее одеться.

— А напрасно, напрасно! Я бы такую диву так просто не отпустил!

Олег и сам вздрогнул, когда, распахнув приоткрытую дотоле дверь, в студию вошел чернявый парень лет двадцати. Бейсболка задом наперед, ослепительной и какой-то объемной белизны тенниска, джинсовые шорты. Лицо треугольное — очень широкий лоб, но слишком узкий подбородок, глазки маленькие, верткие — такие блестящие черные бусинки. Неприятная улыбка самодовольного человека.

— Адам, ты? — на облегченном вздохе наигранно перекрестился Олег. — Как ты сюда попал?

— Дверь закрывать надо... Вы так были заняты... И как зовут это милейшее создание?

Он смотрел на Евгению с видом работяги, оценивающего качество живого товара. Наглый, самоуве-

ренный и просто омерзительный. Она бы не удивилась, если бы он попросил ее раздеться догола.

Олег уже понял, что Евгения не хочет говорить с этим выскочкой. И ответил сам:

— Женя ее зовут.

— Да это я знаю, слышал, как ты ее называешь... А почему она сама не отвечает?

— А кто ты такой, чтобы тебе отвечать? — пренебрежительно фыркнула она.

— Олежа, где ты такую киску откопал? — весело, но с истеричной ноткой в голосе спросил Адам.

— Откопали тебя, ископаемое!

Парень стоял у нее на пути, и Евгения едва удержалась от желания толкнуть его. Она всего лишь его обошла и скрылась за ширмой.

— Ой-ой-ой! Какие мы важные!

Она не стала менять жестковатый купальник на более мягкое белье. Побоялась, что Адам нагло нарушит ее уединение. Поэтому, быстро сдернув лифчик, сразу же надела кофту.

Когда она вышла из-за ширмы, его в студии уже не было. Олег же смотрел на нее с виноватой улыбкой.

— Ты на него не обижайся, его иногда клинит. Особенно на красивых девушках. А ты супер, это я тебе говорю... Мне за твои фото премия полагается, как только получу, так сразу тебя в кафе приглашу, хорошо?

— Хорошо. Пойду я.

— Иди. И ни о чем не жалеешь... Как только первый режиссер позвонит, я сразу тебе дам знать...

— Шутник.

Мало знать себе цену, надо, чтобы еще и мнение других ее подтверждало. Евгения знала, что хороша собой, она пользовалась успехом у парней. И даже у фо-

тографов. Неважно, что Олег был ее одноклассником. Он сам упросил ее сняться для журнала, на который работал. Красивая, фотогеничная и даже одухотворенная, как он говорил, девушка. Ей льстило его мнение. И хотелось бы, чтобы ее действительно заметили и пригласили сниматься в кино... Наверное, так оно и будет. Ведь не зря же она раздевалась почти догола. Смелость должна быть вознаграждена...

В студии было просторно и светло, но чтобы оказаться на улице, нужно было пройти по длинному и гулкому коридору с позеленевшими от сырости стенами. Липкий полумрак, влажный воздух, насыщенный, казалось, холодящими щупальцами клаустрофобного кошмара... Евгения и близко не чувствовала страха, когда шла в студию к Олегу. Но сейчас ей было не по себе. Исчезнувший Адам, казалось, вот-вот выскочит из темной ниши в стене, как черт из табакерки, набросится, собьет с ног...

Но страхи оказались напрасными. Девушка благополучно вышла на залитую солнечным светом площадку перед старым, дореволюционной постройки зданием. Рядом шумела улица — машины, пешеходы.

Все куда-то спешат — едут, полубегут. Никому нет дела до Евгении, и она тому только рада. Скорей бы влиться в общий поток, добраться до станции метро, без пересадок доехать до родных Сокольников. Родители сейчас на работе, можно ходить по квартире хоть голышом, хоть на руках вверх тормашками, никто слова в назидание не скажет... Впрочем, голышом она уже находилась. Фотосессия в стиле топлес. Да и одета Евгения была довольно смело. Белая шелковая кофта с лентами длиной чуть ниже пояса, темно-синие лосины, босоножки на шпильке. Кофта не прозрачная, но если присмотреться, можно догадаться, что под ней нет

лифчика. И кажется, кое-кто к этому присматривается... Адам?!

Евгения вздрогнула, увидев его. Парень стоял в толпе, как на островке посреди реки, люди обходили его, он был для них инородным телом, но ему все равно, что про него думают. Он смотрел на нее сквозь плутовской прищур продувных глаз. В руке мороженое, самое обыкновенное эскимо в обертке из фольги.

— Хочешь? — спросил он, бессовестно глядя на выпуклости под лентами ее кофты.

— Что «хочешь»? — возмущенно спросила Евгения.

— Ну, эскимо.

— Нет.

— А зря. Девочки любят эскимо. На палочке.

— И мальчики любят. Скакать. Верхом на палочке... Скакал бы ты отсюда.

— Злишься? — безмятежно, с терпением ратника, осадившего крепость, спросил он.

— Злятся на тех, кто хоть что-то собой представляет, — пренебрежительно усмехнулась она.

Евгения попыталась обойти его, но Адам схватил ее за руку.

— Я сейчас закричу! — вырвавшись, предупредила она.

— Да ладно тебе...

Он снова протянул к ней руку, но девушка оттолкнула его и направилась к станции метро. Она умела ходить на каблуках, поэтому шла быстрым шагом.

Из метро она выходила с чувством облегчения. Вроде бы привыкла к подземке, но всякий раз, когда она поднималась на поверхность, казалось, будто много-тонная тяжесть сваливалась с плеч. Но далеко не всегда она встречала на пяточке у метро Никиту, родного брата своей школьной подруги.

Никита стоял возле напольной «рогатой» вешалки с простертыми к ней руками. Торжественное и даже в какой-то степени триумфальное молчание, патетичный, преисполненный неземным таинством взгляд. Глянув на него, Евгения чуть не прыснула со смеху, но ее остановила декларативная серьезность в его величественном облике. Молодой парень, дурацкая вешалка, на которую он взирал, как на икону. Ситуация абсурдная, нелепая и даже комичная, но не смешно...

Люди глазели на Никиту с недоумением. Кто-то посмеивался в ус, но до откровенного смеха дело не доходило. Если он хотел привлечь к себе внимание людей, то, похоже, добился этого. Дородная женщина в ситцевой косынке и бородатый мужичок с большими ушами — те и вовсе смотрели на него заворуженно, как на божество. А он монументально и царственно молчал...

Никита был достаточно симпатичным для того, чтобы располагать к себе людей. Рослый, спортивного сложения, светловолосый, но даже зимой смуглый, как будто только-только закончился пляжный сезон. Черты лица не совсем правильные, нос излишне кривой, но это с лихвой компенсировалось его синими глазами и яркой белозубой улыбкой. Но больше всего девчонки млели, когда он начинал говорить. Бойкий язык, быстрая сообразительность при хорошей памяти. Глубокомысленное восприятие жизни при беспечном к ней отношении. И не зря он после школы поступил на философский факультет. Евгения не могла сказать, что знала его как облупленного, но могла голову отдать на отсечение, что номер с вешалкой — это очередной эксперимент, который затеял неугомонный Никита.

Она не стала отвлекать парня, равно как и приковывать к нему свое внимание. Мило улыбнувшись, она пошла дальше.

Адам ждал ее возле самого дома. Одной рукой он опирался о крышу черного «Мерседеса», другой зачем-то придерживал свой подбородок.

— О! Какие люди! — в притворном восторге протянул он.

— Откуда ты узнал мой адрес? — недоуменно спросила Евгения.

Она смотрела на его машину, не в силах оторвать от нее взгляд. В Москве много было «Мерседесов» и прочих иномарок, но все в основном подержанные, мало-презентабельные. А это был новенький, ослепительно сияющий лаком автомобиль. Через опущенное стекло передней дверцы была видна элегантная приборная панель и кожаные кресла. Девушка и представить не могла себя внутри столь роскошной машины...

— Какой адрес? — изобразил удивление Адам. — Просто здесь стою, подругу жду. Смотрю, ты идешь... Не идешь, а пишешь... Может, ну ее к черту, мою подругу, а? Поехали покатаемся? Смотри, какая тачка! Только-только из Германии, совсем новая, еще и года нет...

— Я с незнакомыми парнями не катаюсь.

Евгения поморщилась от собственных слов. Избитая фраза, заезженная. Лучше в машину сесть, чем такое говорить...

— Так ты же знаешь, как меня зовут. А я знаю, как тебя... Разве мы не знакомы? — насмешливо и свысока спросил он.

— Извини, мне домой пора, — неуверенно сказала она.

— Что ты там забыла?

— Мне заниматься надо...

— Чем?.. У тебя каникулы...

— Откуда знаешь?

— Знаю. Олежа сказал... Да и не ты одна такая. Сейчас у всех каникулы. И у меня тоже... Да, кстати, можно на море съездить, не хочешь?

— Не хочу.

— А зря. На машине, с ветерком, полторы тысячи километров туда, столько же обратно... Интересно будет, отвечаю.

— Интересно, — кивнула Евгения. — Было бы. Если бы с кем-нибудь...

— А со мной?

— С тобой неинтересно.

— Почему?

Адам смотрел на нее раздраженно, даже со злобой. Но не отступал.

— Станный ты какой-то. Ну не нравишься ты мне, неужели не понятно?

— А машина моя?

— Машина у тебя красивая. Очень... Но при чем здесь твоя машина? — Она уже была близка к тому, чтобы засмеяться.

— У меня еще и квартира своя. На Софийской...

— И что?

— Ты дура или прикалываешься?

Если парень где-то учился, то наверняка в институте. Но изысканностью речи он явно не отличался. Грубый самовлюбленный болван. И его великолепная машина, и даже квартира на Софийской набережной не могли повысить градус интереса к нему. Евгения не хотела его видеть и повернулась к нему спиной.

Он сел в машину, чтобы ехать за ней, но девушка направилась к метро, чтобы скрыться от преследования. Правда, спускаться не стала. Ее внимание снова привлек Никита. Все такой же важный и величественный, он уже не молчал. Он глаголил.

— Люди! Слушайте и не верьте мне, жалкому рабу небес... Я не могу донести до вас истину, которую не в силах познать, потому что это глыба, недоступная для человеческого понимания. Я могу только, как вы, смотреть на это древо жизни... — он снова простер свои руки к «рогатой» вешалке, ритуально замер. — Попробуйте увидеть вокруг этого древа тихий в своей первозданной красе райский сад. Гляньте, какой глубины небо над его роскошными ветвями. Посмотрите на это прекрасное яблоко... Дивный сад, сочное яблоко, тишь да гладь... Но слышите, слышите... Нет, это не ветер, это не шорох листьев, это ползет по шелковой траве змей-искуситель... Вы не видите здесь Адама и Еву...

Как человек неглупый, Евгения была уверена, что Никита несет осмысленную чушь. Но с каким видом он доносил ее до ушей своих слушателей и даже почитателей, к числу которых добавилась русская женщина в экзотическом кришнаитском дхоти. Его речь звучала как заклинания, завораживала, гипнотизировала. Евгения так заслушалась, что не увидела подкравшегося к ней Адама. Без Евы...

— Но вы должны мысленно представить, как Ева подходит к древу жизни, как срывает плод, как спускается к ней змей-искуситель... Это не просто древо жизни, это смысл нашего с вами существования, примитивный, но благообразный слепок с небесного таинства бытия...

Люди слушали Никиту с открытыми ртами. В какой-то момент Евгении показалось, что женщина-кришнаитка падет перед Никитой ниц. И ведь пала. Спустя какое-то время в религиозном экстазе она склонила колени перед «древом жизни», обняла разветвленную подставку, которую он называл не иначе как «корнями земного бытия». Когда к ней присоединилась баба в

ситцевом платке и лопоухий мужичок, даже Никита понял, что пора сворачивать музыку. И Евгения, как оказалось, стала для него спасательным кругом.

— А вот и моя Ева! — ликующе помахал он ей рукой и, растолкав поклонников и сочувствующих, подошел к ней. — Пора есть яблоко!

Он взял ее под руку и вместе с ней широким шагом направился по тротуару. Вышли на дорогу, пересекли ее. Остановились только в сквере. Если не считать Адама, их никто не преследовал.

— Зачем ты бросил свою паству? — насмешливо спросила Евгения.

— Паству?.. Ты знаешь, не думал, что получится так быстро, — усмехнулся Никита. — Двух часов хватило, и уже небольшая, но толпа почитателей. Еще бы пару часов, почитатели перешли бы в разряд приверженцев, ну а от этого до слепого фанатизма один шаг...

— Зачем над людьми издеваешься?

— Это не издевка, это эксперимент... А это кто такой? — настороженно рассматривая нахохленного Адама, спросил он.

— Если я Ева, то это Адам, — усмехнулась она.

— А если серьезно?

— Если серьезно, то его так и зовут, Адам.

— Или это мистика, или я опиумом для народа обкурился...

— Лечиться тебе, парень, надо, — криво усмехнулся Адам.

— А в глаз? — напыжился Никита.

Его угрожающий вид подействовал на парня отрезвляюще. Адам предусмотрительно подался назад.

— Никит, ты бы сказал ему, чтобы проваливал, — попросила Евгения.

— Изыди, сатана! — внушительно громовым голосом